

Piotr Czerwiński

„Зоопарк” ментального представления русскоязычных Вариации и динамика репродуктивного образа

Zoophilologica. Polish Journal of Animals Studies 2, 23-58

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski

„Зоопарк” ментального представления русскоязычных Вариации и динамика репродуктивного образа* (1)

‘Зоопарк’ и ‘зверинец’ Первый подход к установлению возможных отличий

Для начала обратимся к определениям в словарях, называемых толковыми. Будучи близкими к научному представлению, определения в них не вполне соответствуют характерному для сознания носителей языка. Толкуется *зоопарк* через слово *зоологический* (парк), при том, что представление о парке, зоологическом парке, для зоопарка вряд ли можно считать продуктивным. Приводимый часто синоним его *зоосад*, известный также как *зоологический сад*, следует признать устарелым. Сопоставим способы толкования на основе двух словарей – четырехтомного «Словаря русского языка» (МАС) и «Толкового словаря русского языка», также в 4-х томах, под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ). Первый был издан в 80-х (2-е изд.), второй – в 30-х годах XX века. Другие имеющиеся толковые словари не содержат по сравнению с этими ничего принципиально нового.

МАС предлагает следующее: «**Зоологический парк** (или **сад**) – научно-просветительское учреждение, в котором содержатся, демонстрируются и изучаются дикие и некоторые домашние животные.» Привычное разговорное выражение типа *Мы вчера гуляли по зоопарку; Ходили по зоопарку*

* Статья представляет собой адаптацию фрагмента монографии автора *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь: Крок, 2015.

с *детьми*, исходя из приведенного объяснения, следовательно, необходимо воспринимать в том отношении, что мы гуляли, ходили, по научно-просветительскому учреждению, что могло бы озадачить и удивить не одного носителя языка.

Для языкового сознания и представления *зоопарк*, это к тому же и никакой не парк, а огады, вольеры и клетки, и если парк, то условно. В нем мало что можно заметить от парка: ни аллей, ни деревьев, ни привычных для парков скамеек в нем может не быть. То, что это научно-просветительское учреждение, не приходит обычному посетителю в голову. Для него это место, где можно увидеть разных зверей, в первую очередь, экзотических. Будучи верно, с точки зрения научного определения и назначения, приведенное в МАС толкование вряд ли можно понимать как такое, которое отражает действительность и восприятие этой действительности носителями языка. Энциклопедическое объяснение не должно заменять толкования лексического значения, т.е. такого, которое характерно для языкового восприятия и употребления слова.

Не воспринимаясь как научно-просветительское учреждение (а тогда что же оно такое?), *зоопарк* в таком своем толковании не вписывается в то, что принято называть языковой картиной мира носителей данного языка и данной национальной культуры. И, тем самым, не может служить выразителем когнитивно-ментальных, системоценностных, оценочных и пр. характеристик того и другого, национальной культуры и ее языка (языка и его культуры, поскольку все это действует в обе стороны).

Определение в ТСУ, в известном отношении, ближе к возможному представлению о данном объекте у представителей разбираемого языкового сознания: «**Зоологический сад** или **парк** – зверинец, устроенный в общественном саду, парке с научно-популярными целями.». В соответствии с показателем времени на первом месте помещается *сад*, более принятое и распространенное обозначение в 20-е и 30-е годы, по сравнению с *парк*, получившим большее распространение в более позднее время (вторая половина XX века) и сделавшим *зоосад* и *зоологический сад* устаревшими. В связи с чем возникает немаловажный для нашей задачи вопрос, чем отличается сад от парка, общественный сад или парк, поскольку об этом речь. Однако прежде чем обратиться к этому различию, стоит обратить внимание на то, что такое *зверинец*, поскольку для ТСУ *зоологический сад* или *парк* – это зверинец, устроенный в таком саду или парке. Само это «или» может быть не случайным, и тогда *зоологический сад* и *зоологический парк* (*зоосад*, *зоопарк*, соответственно) могут не полностью в своем представляемом совпадать.

В соответствии с МАС, *зверинец*, в первую очередь, слово устаревшее и разговорное, и по этой причине, что вполне объяснимо, не было использовано при толковании *зоопарка* (*зоологического парка*). Объясняется это

слово как «Специально оборудованное место, помещение, где собраны и содержатся дикие животные». Примеры, призванные иллюстрировать употребление данного слова, взятые из произведений художественной литературы, показывают обычаи и развлечения в прошлом: [Муромский] предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец. Пушкин, Барышня-крестьянка. На этом дворе содержались медведи, волки, лисы, олени... Царь любил свой зверинец. Костылев. Иван Грозный. В ТСУ зверинец толкуется приблизительно также, и также воспринимается как устаревшее слово, хотя и без указания на разговорность: «Место, где содержат диких зверей; помещение для диких зверей, содержимых в клетках (устар.)». К этому добавляется переносное употребление, как оттенок значения, представляющее для нас интерес, в МАС отсутствующее: «|| перен. Собирище людей, потерявших подобие культурного человека, похожих по своим нравам, привычкам, по характеру интересов на зверей (презрит.)».

Опираясь на толкование интересующего нас в первую очередь зоопарка в МАС, отличие его от зверинца, если отвлечься от его устарелости и разговорности, состояло бы в том, что в зоопарке, как правило, могут быть, как дикие, так и некоторые домашние животные, в то время как в зверинце исключительно дикие. Это первое. Второе отличие заключалось бы в том, что, если зоопарк представляет собой научно-просветительское учреждение, то зверинец ничего такого не предполагает, используя только для содержания и демонстрации (не изучения) диких животных. И, наконец, третье, если исходить из названия, из определения в ТСУ и представления (реального знания), хотя МАС об этом не сообщает, зоопарк (зоологический сад или парк) – это зверинец, устраиваемый в общественном саду или парке, а зверинец – место, помещение (специально оборудованное), где содержат диких зверей, т.е. не парк и не сад, а если парк или сад, то это не обязательно, а потому и не входит в определение.

Устарелость слова зверинец отчасти может быть объяснена и его историчностью. Зверинцы, предполагавшие содержание в клетках диких зверей в основном для потехи, к тому же теми, кто мог себе такое позволить, т.е. людьми зажиточными и богатыми (зверинцы царские, барские), по вполне понятным и объяснимым причинам, в том числе и гуманного свойства, оказались вытесненными зоологическими садами и (или) парками. И, что интересно и вовсе не без значения, будучи вытеснен из реальной действительности как соответствующее заведение, как существующий (существовавший) объект, для сознания и представления говорящих, т.е. носителей данной культуры и языка, он вписался и отчасти собой потеснил то, что свойственно как задуманно первоначальное для зоосада и зоопарка. Зоопарк (зоосад) воспринимается, в первую очередь и в основном, как зверинец, место, где можно увидеть диких зверей, где они содержатся для демонстрации, всеобщего обозрения и показа. То, что это научно-

-исследовательское и просветительское учреждение (в общем-то в первую очередь, поскольку показ, демонстрация позволяют животных на получаемые деньги кормить, содержать), оказалось для общего представления менее важным и не существенным.

Касаясь вопроса о зоологическом саде и (или) парке, имеет смысл задуматься, прежде всего, над тем, о реалии или названии в данном конкретном случае идет речь. Иными словами, то место, которое в пределах городского пространства в последнее время принято воспринимать как парк, раньше обозначалось как *сад*? Или в пределах того же городского пространства существовали ранее только сады и не было появившихся позже парков, либо были сады и парки, в чем-то и как-то между собой различившиеся? И тогда, в зависимости от решения этих вопросов, либо а) зверинцы первоначально устраивались в таких общественных садах, а потом также в парках и затем только в парках, либо б) как в садах, так и в парках, но в садах как бы чаще, а потому и привычнее, либо в) в парках, которые ранее назывались обычно *садами*.

‘Парк’ или ‘сад’? Некоторые отличия, выражаемые близкими по значению словами

Обратимся для разрешения всех этих вопросов, не углубляясь, впрочем, в их существо, к той информации, которую можно увидеть и вывести на основании словарей. Для нашей задачи поверхностно общего представления о том и другом этого будет достаточно, ибо речь не об энциклопедическом и научном, а тем более историческом и достоверном, знании, а о тех языковых и ассоциативно-ментальных ощущениях, или мотивах, которые находят свое воплощение в представлениях о словах, а с этим в значениях и характере интересующих нас „образных” впечатлений.

Приведем для начала определения из некоторых словарей. В.И. Даль толкует *парк* в его важном для нас значении как «англ. чистая роща, с дорожками, под уходом, для гулянья, а иногда для содержания дичи; обычно огораживается», а *сад* как «участок земли, засаженный стараньем человека деревьями, кустами, цветами, с убитыми дорожками и разного рода и вида затеями, украшениями. *Сад* бывает *плодовый*, или *потешный*, для прогулок»¹.

¹ В.И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах.* Москва 2000 (по 2-му изд. 1880–1882 гг.).

ТСУ содержит такие определения – для *парка*: «[фр. *parc*, англ. *park*]. 1. Большой сад, роща с дорожками для гуляния. *Французский п.* (засаженный зеленью и цветами по определенному архитектурному плану). *Английский п.* (в виде рощи или леса). *Разбить п.* (устроить его). *П. культуры и отдыха.*»; для *сада*: «1. Участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками. *Развести* или *разбить с.* *Заложить с.* (развести; спец. о плодовом саде). *Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад.* Гоголь. ... *Общественный с.* *Городской с.* *Колхозный с.* *Гулять в саду.* *Фруктовый с.* (с плодовыми деревьями). *Ботанический с.* ... *Зоологический с.*».

В МАС *парк* толкуется следующим образом: «1. Большой сад, роща с аллеями, цветниками, прудами и т.п. *Городской п.* *Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер, тянулся чуть ли не на целую версту от дома до реки.* Чехов. Черный монах», а *сад*, соответственно: «Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками. *Фруктовый сад.* *Закладка садов.* *При доме был разбит большой сад, вдоль и поперек разделенный дорожками на равные куртинки, в которых были насажены вишневые деревья.* Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. ... **Зоологический сад** см. зоологический».

Из «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных можно узнать, что *парк* „1) «большой благоустроенный сад или насаженная роща с аллеями, цветниками и т.п.» ... В русском языке слово *парк* известно с Петровского времени ... Скорее всего, из французского. ... Старшее знач. французского *parc* – «отгороженное место», «загон».” *Сад*, соответственно, будучи словом исконного происхождения, основывается на представлении о *садить*, *сажать* в знач. «2) закапывать корнями в землю или сеять для выращивания».²

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что во всех словарях, кроме Даля, *парк* толкуется через сад. Как большой сад или роща. Это последнее представление встречается и у Даля. Парк у него – это роща, но обработанная, ухоженная, очищенная, с дорожками и для гулянья. Содержание дичи и огороженность не обязательные, но характерные признаки. Не вдаваясь в дальнейшие объяснения и концентрируясь на основном, отличие парка от сада можно бы было усматривать, прежде всего, в назначении. Если парк предназначен, в первую очередь и в основном, для гуляния (хотя в МАС и в словаре П.Я. Черных об этом прямо не говорится), то сад не только и, может быть, даже не столько. Второе отличие заключалось бы, следуя из отмеченного предназначения, в характере обустроенности. Если для парка дорожки, аллеи, цветники и пр. составляют его более или

² П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. – 3-е изд., стетеротип. Москва 1999. Т. 2, с. 6–7.

менее неизменную атрибутику, то в саду нечто такое может быть и может не быть.

Немаловажным для представления того и другого видится то, что можно отметить как постепенное расхождение парка и сада, усиление во времени их отличающих друг друга черт. Это заметно на примере определений у Даля и в ТСУ, с одной стороны, и в МАС и в словаре П.Я. Черных, с другой. Не случайно и то, что у Даля парк представляется более близким роще (поскольку о саде не говорится), причем роще очищенной, как следует из определения, а не насаженной. Исходя из сказанного в его словаре, можно вывести, что парк в его время (вторая половина XIX столетия) – это роща, соответствующим образом оборудованная и приспособленная, в которой вырубается все не нужное, что считается лишним, прокладываются дорожки, за всем этим начинают следить и ухаживать, предназначая для отдыха и прогулок. В таком парке могут быть, как в него завезенные и запущенные, так и в нем до того обитавшие, пока он был не очищенной рощей, животные, птицы, так называемая дичь – олени, серны, белки, павлины, зайцы, лисы и пр. Парк такой иногда огорожен.

Данное представление вполне согласуется с тем, что можно вывести из художественной литературы XIX столетия. Это, в первую очередь, если не исключительно, парк не общественный, парк при поместье, имении, дворце или замке, а тем самым, и что-то другое, совсем не то, что привычно являет себя в более позднее время как элемент городской культуры и, в первую очередь, городского пространства. Применительно к нашей теме это был бы отдельный репродуктивный образ. Такой парк действительно не является садом. Сад, в отличие от парка, засаживался и, хотя мог служить и служил, для отдыха и прогулок, но не только и не единственно, сочетая (если это сад не общественный и не городской) такое свое назначение с доставлением своим хозяевам также цветов и плодов. Саду можно было придать и придавались парковые черты, но как следствие и не обязательно.

Исходя из первоначального представления, отраженного в этимологии того и другого слова у П.Я. Черных, можно было бы заключить, что парк следует воспринимать как ‘освоенное’ приспособленное для своих целей и нужд, ‘отгороженное’ от остального, остающегося не освоенным и не обработанным, бывшее ‘дикое’, а потому отчасти и полудикое, место’. Это кусок отделенной природы, восчеловеченной и окультуренной. В то время как сад есть произведение человека, то, что им создано, подготовлено, распланировано, разбито, засажено и предназначено для себя изначально. Из природного, натурального материала, как имитация, воспроизведение и все тот же кусок природы, но не отделенной и отгороженной от всего остального, а специально для этого выращенной и сформированной. Такой сад мог быть городским и общественным (что для парка было бы менее объяснимым, трудно представить помещичий парк либо парк какого-

-нибудь вельможи отчужденным и переданным в общее пользование). С этим связано то, что *Летний сад* в Петербурге назывался и называется *садом*, не *парком*, хотя бы и замыкавшийся на ночь и огороженный, поскольку имеет ограду, но он насажен, а не отделен, „отгорожен” от какой-нибудь рощи. По той же причине в Петергофе разбиты *сады*, с фонтанами и разного рода „потехами”, соответственно Верхний и Нижний, а не парки, и в Москве *Садовое кольцо* и *Садовые* (разные) улицы, а не *Парковые*. *Парковые* и *Парковое* также, к примеру, *кольцо*, будет где-нибудь на краю, в конце, в прошлом также и за пределом города, там, где уже начинаются рощи. С тем же самым связывается, по-видимому, и общеизвестное определение *садово-парковое искусство*, ибо, с одной стороны, сады и парки не одно и то же, поэтому обе эти части соединяются вместе, а с другой, *садово-парковое*, не *парково-садовое*, поскольку „искусственность” ближе к садам, чем к паркам, и отсюда сначала дается *садово-*. В то же самое время *парковое* дает и содержит в себе представление об оформительской и устроительской, в том числе и архитектурной, деятельности: *парковые аллеи, парковый пруд, парковая скамейка, парковые перспективы*. *Садовое* (если бы было *парково-садовое*) ближе к хозяйственным, обрабатывающим, добывающим и получающим формам: *садовое хозяйство, садовый участок, садовые ножницы, грабли, растения, кусты, культуры, садовая одежда* и пр.

По той же причине, по-видимому, в ТСУ *сад* применительно к месту общественного и городского гуляния воспринимается как определение более употребительное. Парк, будучи также отчасти садом (если не рощей), предстает как сад, во-первых, большой и, во-вторых, как такой, который предполагает большего со стороны человека в отношении его формирования и обработки участка. Если сад засаживается, формируется и создается (речь о саде общественном и городском), то парк – это то, что затем может делаться и делается из такого сада, придавая ему соответствующий, более изысканный и еще более окультуренный вид. Если первоначально (во времена Даля) парк получался из расчищавшейся рощи, отгораживаясь и соответствующим образом формируясь, то теперь то же самое может делаться в отношении сада и рощи, посаженной человеком. Парк, иными словами, это общественный, городской сад, но как бы высшей категории, требующий и предполагающий чего-то большего по сравнению с садом, где только дорожки, деревья, кусты и цветы. Отсюда определения к *парку*, даваемые в ТСУ – *французский парк*, засаженный по определенному архитектурному плану; *английский парк* (в виде рощи или леса, а следовательно, уже и не *сад*), *разбить парк*, *Парк культуры и отдыха* (гордость и достижение советской власти, проявившей заботу и о культурном отдыхе трудящихся, не только о производстве, знак нового времени и нового отношения к человеку, к его культурным потребностям).

Сад, общественный, городской, ничего такого особенного не предполагает, это место не эксклюзивного, как бы мы сейчас об этом сказали, отдыха, ничем таким специфическим, исключительным, не отмечаемого, со своими обычными достопримечательностями и антуражем – скамейки, дорожки, деревья, цветы, кусты. Отсюда и определения устойчивого характера. Такие, как *ботанический сад*, к примеру («учреждение, где с научной и учебной целью культивируют растения всех стран света, разных климатов» [ТСУ]), и потому интересный своей ботаникой, а не планировкой, архитектурой, скульптурами, развлекательно-культурными и др. средствами и мероприятиями интенсивного отдыха. Как и *зоологический сад*, о котором уже говорилось и который, в этой связи, как и ботанический сад, интересен тем, что находится в нем, т.е. своей *зоологией*, а не всем остальным, что возможно как культурное и оформительское вокруг дополнение.

Отмеченная тенденция в отношении парка как более значимого по своим характеристикам сада (речь идет о саде общественном и городском) продолжает себя отражать и в последующем, но, скорее и в первую очередь (по традиции вслед за ТСУ), в определении. Сообщая, что *парк* – это большой сад, роща, с аллеями, цветниками, прудами и т.п. и давая в качестве первого и наиболее распространенного словосочетания *городской парк*, а *старинный парк на английский манер* лишь в цитате из Чехова (*английский, французский парки* уже историзмы), МАС использует слово *сад* фактически только в определении. Выражение *городской сад* (не парк) также уже устарело, а ‘общественный сад’ означает понятие, не являясь общим названием соответствующего объекта. Предложение *Мы гуляли (встретились, были вчера) в общественном саду* звучало бы претенциозно, несколько странно и устарело, хотя возможным было бы что-нибудь типа *На берегу реки был разбит общественный сад, в котором теперь проводятся городские мероприятия*. Слова *парк* и *сад* в своем означаемом, тем самым, расходятся. С одной стороны, городские сады становятся парками, развиваются в сторону парков (отсюда аллеи, цветники, пруды и т.п. при определении), приобретая, теперь уже в качестве привычных и едва ли не обязательных, атрибутику, ранее бывшую характерной для парков и не встречавшуюся обычно в садах. Сады, таким образом, вытесняются парками, понятие ‘городской сад’ становится анахронизмом, отсюда вполне возможным выглядит определение *бывший городской сад* (который стал парком, кладбищем, чем-то другим). А с другой, то, что *сад* был и есть, согласно определению в МАС, ‘участком земли, засаженным деревьями, кустами, цветами, обычно (следовательно, не обязательно и не всегда) с проложенными дорожками’. При этом ни слова нет об аллеях, цветниках, прудах и всем прочем, что украшает. Как участок земли, он не выглядит импозантно, не привлекает, не красит, перемещаясь в сторону

своего хозяйственного предназначения. Отсюда и приводимые выражения *фруктовый сад*, *закладка садов* и пример с насаженными вишневыми деревьями из Салтыкова-Щедрина. Сохраняется в МАС в своей неизменности *ботанический сад* – «научное и культурно-просветительное учреждение, в котором изучаются и демонстрируются различные растения», поскольку он, в своем представлении, не становится парком, для него быть парком не важный и никак его не характеризующий признак. Имеется и *зоологический сад* с отсылкой к слову *зоологический*, где *зоологический парк* дается первым и, следовательно, основным, а *сад* при нем, с допускающим союзом «или»: **зоологический парк** (или **сад**).

Хронологическая динамика представлений и их возможное отражение в ментальных образах

В связи со сказанным возникает не праздный и представляющийся важным для разбираемого предмета вопрос. Зоологический парк становится *парком*, не *садом*, как раньше, потому, что парки вытесняют сады из пределов городского пространства, и потому все, что в этих его пределах, соответствующим образом выглядящее, привычно видеть и воспринимать как парк, а не сад? Или же сами эти объекты все более начинают иметь соответствующий образ и вид, проявляя признаки, в первую очередь, парков, а не садов, с цветниками, прудами, аллеями и т.п.? Или, становясь местами, точнее, все более воспринимаясь как таковые места, не только или не столько прогулки (в городском саду, прежде всего, если не только, гуляли), но и культурного развлечения, отдыха, отмечаемого дополнительными возможностями покататься на карусели, посмотреть познавательный, о животных, фильм, посидеть в кафе, съесть мороженого и пр. (сады такое могли иметь, но могли также и не иметь), при этом не важно что, важно, что может иметься, предполагаться такая возможность, – становясь таковыми местами, эти самые первоначально *зоосады* стали теперь *зоопарками*?

Ответ может быть заключен как в этом первом, так и во втором и в последнем решении. Обобщая, можно бы было сказать, что представления эти, совместно ли, располагаясь ли в предпочтениях, заслоняясь ли одно другим, могут быть равным образом релевантными. Этим и может быть обусловлено то, что для языкового сознания и, как следствие, для восприятия и ощущения, представляет, может собой представлять ‘зоопарк’ (а с этим, не основательно и только в связи с ‘зоопарком’ ‘зверинец’, ‘парк’

и 'сад'). 'Зоопарк' не как слово и даже не как представление, но как внутренний импульс, рождающий образ, способный себя объявить как основа дальнейшего репродуцирующего отображения. Воплощающая себя в том, что мыслится, думается, называется, с чем связывается и как себя объявляет, как значение и как смысл, то, что имеется в речи, в сознании и языке. То, что затем себя воплощает в самых различных условиях конвенционального взаимодействия представителей данной культуры, ментальности и языка³.

Начнем с наиболее простого и очевидного. Чем отличается 'зоопарк' от 'зверинца', но не как пространственный по своей природе объект и не в отношении своего основного значения, о чем уже говорилось, а в том, какие воображаемые представления они способны в сознании вызывать. В сознании не столько, может быть, языковом, но таком, которое, отчасти языком обуславливаясь, вызывая определенного рода ассоциации, связывается с каким-то комплексом представлений, которые различают, в конечном итоге, то, что есть зверинец и зоопарк, парк и сад, в чем-то там пересекающиеся, но существующие отдельно и каждое по себе. И, что самое важное, это каждое будет иметь в совокупном об окружающем представлении какую-то нишу, которая и способна в каких-то условиях из сознания что-то там извлекать, что позволяет, видя то и другое, это то и другое, связывая с одним, не обязательно, если не непременно, не связывать с чем-то, хотя и близким, но все же другим.

Характер переносных значений (употреблений) и их мотивационные основания

Оттолкнемся в этих своих рассуждениях от переносных значений и употреблений соответствующих слов, обратившись для этого к словарям языка, а потом, от них отойдя, к возможным в речи словоупотреблениям, прежде чем уяснить картину.

Зверинец в ТСУ как оттенок значения и переносно, как уже отмечалось ранее, что теперь будет важно, связывается с представлением о «сборище

³ Речь (отчасти) идет о том, что в языкознании в последнее время получило определение 'языковая картина мира', 'национально-культурные стереотипы', 'этническая ментальность', как его когнитивные и культурологические, лингвокультурные, языка и культуры, языка и сознания, продолжения, отражения, развития и выходы. К поистине неохватной в своем объеме литературе этих предметов мы и отсылаем интересующегося читателя, поскольку знакомство и обращение к ней не входило в поставленную нами чисто аналитическую задачу.

людей, потерявших подобие культурного человека, похожих по своим нравам, привычкам, по характеру интересов на зверей». Обратим внимание в этом определении на представление о ‘сборище’ (соответственно людей) тех и таких, которые, будучи видом и внутренним существом, природой своей, людьми, ведут себя не как люди, и тогда можно было бы говорить о ‘сборище людей не людей’, т.е. замене и замещении, метафорическом и переносном, людей не людьми.

Задумаемся над этим определением. Что здесь важно – то ли, что я людей представляю как не людей, как бы это ни воображать, или что я оцениваю людей, остающихся в моем представлении и воображении людьми, как таких, которые не заслуживают называться людьми? Подобное расподобление, разведение одного и другого для нашей задачи имеет определяющий смысл, но об этом несколько позже. Исходя из значения и употребления данного слова как слова, следует выбрать второе, т.е. речь идет об оценке людей в отношении их поведения и при этом, что важно, не каждого по отдельности в составе общего целого, а как эту самую их совместную совокупность. Иными словами, *зверинцем* обозначается некая группа людей, находящихся вместе (возможно, в какой-то момент, период, отрезок времени) либо мыслимых как такая совместность⁴, ведущих либо склонных вести себя, с точки зрения говорящего, недостойно. В ТСУ недостойность эта вписывается в представление о несоответствии правилам поведения и общепринятых в цивилизованном обществе норм. Не будет, по-видимому, ошибкой предположить, что, скорее всего, речь идет о примитивно-грубых, *животных*, а не *зверинных* и тем более *зверских*, человеческих проявлениях. Таких, которые воспринимаются как непосредственно-бесцеремонные и природно-физические, свидетельствуя о бескультуре, неумении вести себя в обществе и владеть собой. Не о жестокости, ярости, злобе или зверином обличье и виде.

Исходя из того, что *зверинец* в прямом значении толкуется в ТСУ как «место, где содержат диких зверей; помещение для диких зверей, содержащихся в клетках», можно было бы говорить о переносе не с этого места и помещения, поскольку нет представления о содержании определяемых словом *зверинец* людей в этом месте и тем более в клетках, а с представления

⁴ О.Н. Ляшевская определяет это как множества, предлагая отличать их от совокупностей: «Имена множеств обозначают несколько предметов или лиц, объединенных выполнением определенной функции. ... Объединение предполагает единство места и обозримое количество элементов множества. Число элементов a priori не фиксировано, но каждое понятие включает представление о примерном числе элементов (в норме)... В отличие от названий множеств имена совокупностей обозначают лица и предметы, не связанные единством места и времени. Совокупности – это классы, задаваемые определенным набором признаков.» (О.Н. Ляшевская: *Семантика русского числа*. Москва 2004, с. 161, 162.).

о том, что имеются люди, недостойные по культурному уровню называться людьми, и что я вижу их (как „сборище”) вместе. Получается, что перенос происходит не от *зверинец* прямого значения к *зверинцу* оттенка значения переносного, а от ‘сборища некультурных людей’, через поиск того, как их можно назвать, представляя ‘животными’, к тому, где животные могут быть собраны вместе, а это, за неимением ничего более подходящего, определяет себя как *зверинец*. Иными словами, и к этому был направлен получившийся вывод, образ зверинца, представление о нем, не было тем, что мотивировало подобное словоупотребление. Мысль номинации состояла в движении совершенно иного рода: ‘люди’ > ‘животные’ (поскольку ведут себя как они) > ‘вместе’ > ‘сборище’ > ‘собрание вместе животных (зверей)’ > ‘зверинец’. При таком представлении *зверинец* утрачивает свои признаки как объект, используясь лишь как оценочное обозначение людей (в коллективе и группе) как животных (зверей). Зверинца же как зверинца в этом случае нет.

Более близким искомому соответствию переносного употребления *зверинца* его прямому значению было бы то, что дает «Большой толковый словарь русского языка»⁵ (БТС, 2000 г.), помещая в словарной статье оттенок значения, которого нет ни в МАС, ни в ТСУ. Помимо определения *зверинца* как «Помещение, оборудованное для содержания и показа диких зверей» (интересно и показательно, что без помет устар. и разг., характерных для МАС, первая также для ТСУ, опуская понятие ‘место’, даваемое ими, и добавляя важное, но не обозначенное в этих двух словарях ‘и показа’), БТС содержит также такое: «|| Передвижная коллекция таких зверей».

Важным и уточняющим интересующее нас представление о ‘зверинце’ в этом всем было бы то, что а) нет места, а есть помещение, которое оборудовано не только для содержания, но б) и показа и что в переносном употреблении отмечается как в) передвижная коллекция таких зверей. Снятие помет *устаревшее* и *разговорное* представляется не случайным и связанным с новым и „освеженным” (по сравнению, по крайней мере, с тем, что содержится в МАС) определением. Если раньше *зверинец*, в определенном смысле, можно было воспринимать как явление историческое (барский, царский *зверинец*), и тогда это было место и/или помещение, но в первую очередь место, поэтому это слово в определениях ТСУ и МАС и дается первым, и тогда важно, что звери в нем содержались, будучи собраны в этом месте или помещении в клетках, а то, что их можно было смотреть, само собой разумелось, но они не были выставлены там для показа, – то (и об этом, собственно, в БТС) в последнее время *зверинец* начинает со-

⁵ *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000.

бой представлять не место, а помещение, где дикие звери содержатся для показа. И такой зверинец, имея целью показ, способен и может далее собой представлять коллекцию этих зверей, которую, погружая на транспорт, можно перевозить. Тем самым, и это следует подчеркнуть, речь идет фактически об изменении лексического значения слова. То значение (оттенки значения, употребление, не это важно), которое определяется в МАС и в ТСУ, должно представляться как историзм (устар.), в БТС представляется как значение измененное и актуальное.

Затрагиваемые вопросы в теоретическом отношении, с точки зрения лексикологии и лексикографии, не просты. Небезынтересно и показательно то, что у Даля *зверинец*, толкуясь как «место (без ‘помещения’, хотя помещение можно воспринимать и как ‘место’) для содержания зверей и диких животных в неволе (звери и дикие животные при этом, следовательно, не одно и то же)», в качестве еще одного значения (или его оттенка, у Даля это не различимо) содержит «|| Собрание зверей (но уже не диких, точнее не только диких, животных), содержимых напоказ.» Тем самым, выходит, что представление о коллекции (собрании), может быть не передвижной, но об этом просто не говорится, а ничто не мешало ей такой быть (в этой связи возникает вопрос об актуализации признаков смысла для языкового сознания, которые могут как находить, так и не находить своего отражения при толковании), – выходит, что представление о коллекции было и раньше, но как бы так не выступало на первый план. Однако поскольку нас интересует образ, за всем этим стоящий, об этом приходится говорить, обращая на подобного рода детали внимание, хоть и в ином повороте.

Итак, представление о зверинце в связи с толкованием последнего времени в БТС предполагает видеть в нем помещение, в котором дикие звери содержатся для демонстрации, для того, чтобы на них можно было смотреть. И собрание этих зверей, представляя собой интерес как коллекция, способная к транспортировке, будучи таковой, имеет самостоятельный и такой же демонстративно-показательный, а потому не случайный и обозначенный смысл. В развозимой коллекции имеются, в первую очередь, экзотические и потому примечательные дикие звери. Демонстративность как признак присутствует не только в отношении тех, кого показывают, но и в отношении самой коллекции как данного целого.

И отсюда, как следствие, если в ТСУ фиксировался переносный оттенок значения, обусловленный представлением о недостойном для человека, людей, поведении, утративших человеческий облик, нарушающих нормы приличия и культуры, ведущих себя, но не как звери, а как животные, то характерным для переносного речевого употребления *зверинца* второй половины XX века, не отмечаемого, впрочем, по словарям, будет нечто совсем другое. То, что связывается с представленным значением и его оттенком в БТС.

Оттолкнемся от фраз, типичных для этого времени. *Я тут себя с ними чувствую как в зверинце. Ну прям как в зверинец попал, где они насобирали таких экземпляров? Не семейка, а просто какой-то зверинец, каждый зверь на свой лад. Да не пойду я на дискотеку, там просто зверинец.* Наиболее очевидный и явно себя проявляющий в этих фразах акцент подводится не к бескультурию и неумению себя вести, но, скорее и в первую очередь, к необычности, „экзотичности” внешнего вида и поведения. ‘Зверинец’ воспринимается как собрание, коллекция, по крайней мере, странно, если не прямо шокирующе и вызывающе проявляющих себя экземпляров. Как сборище странных, в принципе мало приятных в общении, возможно отталкивающих, галдящих и гомозящих людей, каждый из которых, если о себе как о какой-нибудь там исключительности не мнит, то представляет себя (или представляется со стороны) как некий своеобразный, не поддающийся ясному определению, уникам, как этакий необычный субъект. Сказанное не обязательно должно относиться к обозначаемому, речь идет о характере восприятия, но в первую очередь об оценке, со стороны говорящего, какого-то объединения, точнее собрания в каком-то месте какого-то числа проводящих совместно время людей. То, что, отчасти, но, может, без той же оценки, могло бы соотнестись с определяемым в сленге словом *тусовка*.

Из всего этого прямо следует демонстративность, как ведущий и определяющий признак, касающийся одновременно как тех по отдельности каждого, кто составляет такое собрание, так и это собрание в целом. Демонстративность (по признаку необычности) множественной совокупности собранных в одно место лиц. Множественной совокупности, поскольку первый компонент дает представление о расчлененном составе (демонстративен, заметен и экзотичен каждый), а второй – о собрании их как целом (демонстративны, заметны и экзотичны они как такое собрание, сборище „экзотизмов”). Признаки эти прямо и непосредственно следуют из представления о *зверинце*, описанного в БТС, поскольку он интересен и как коллекция, предназначенная для показа, и в своих представителях, каждый из которых может быть интересен сам по себе.

‘Люди’ и ‘звери’ ориентационной характеристики их в себе содержащих мест

Из сказанного следует важный, если не определяющий, вопрос: чем являются, для воображения, восприятия и представления, эти самые дикие

звери, которые в зверинце по клеткам (что также важно или не важно?) сидят? О клетках в зверинце говорится у Даля и в ТСУ, в то время как в МАС и в БТС на это прямо и непосредственно не указывается, хотя это можно вывести и предположить из того, что в них говорится о помещении, специально (в МАС) оборудованном (и в МАС, и в БТС). Что означает эта его оборудованность для содержания и показа? Только ли клетки, не только ли клетки, что-то другое? Потому как если по клеткам, то и те, кто в зверинце, который не звериный, а человеческий, также могли бы восприниматься как находящиеся в специально для этого оборудованном помещении сидящими в чем-либо, что, не будучи клетками, поскольку такое вряд ли возможно представить, могло бы их, не походя на них, замещать. Скажем, расставленными по местам, по углам, в каких-то позах, на каких-то сидениях, лежанках, посланиях и т.п. Важно ли для представления о них как о ‘зверинце’ это их положение, каждого, в общем для них помещении, с точки зрения места? Выставлены ли они (либо себя выставляют), тем самым, в связи со своим положением на показ? в представляющем их совокупно „зверинце”? Подойдем к разрешению данного обстоятельства как определяющего или нет от затронутого в самом начале абзаца представления о диких зверях.

Если для ТСУ дикие звери, как уже говорилось, были тем, что характеризует людей как животных, утративших человеческий облик в смысле культуры и соблюдения норм, то для последнего времени, и это находит свое отражение в рассматривавшемся переносном употреблении слова *зверинец* в речи, а косвенно и в определении БТС, дикие звери являются тем, что становится, воспринимается как объект демонстрации, показа и интереса, с точки зрения их привлекающей необычности. ‘Дикость’ в понятии и представлении диких зверей характеризуемого нами *зверинца* становится признаком привлекательной необычности и „экзотизма”. Животные эти редкие, возможно, что охраняемые, вымирающие, интересные своим видом, повадками, а потому любопытный для обозрения объект. Надо бы не пропустить подобного зрелища и, по возможности, стоит этим воспользоваться. Применительно к людям, людского *зверинца*, данная ‘дикость’ их, от таким образом понимаемых ‘диких зверей’, становится признаком, показателем, амбициозно-демонстративного (вторая часть не обязательна) „экзотизма”, отталкивающей или малопривлекательной претензии на привлекательность, на необычность, превратно понятое своеобразие (по крайней мере, воспринимаясь и интерпретируясь так). В наиболее непритязательном своем восприятии ‘дикость’ эта может быть интерпретирована как товар, выставляемый на удивление и обозрение, на показ.

Если представить сказанное в отношении ‘зверинца’ применительно ко второй половине XX века, то можно было бы говорить о позиции неприятия, мотивируемого сигналами эгоистического и амбициозного вы-

ставления каждым в отдельности и в совокупности целого. Находящийся в таком окружении не чувствует себя комфортно с такими людьми, они докучают ему своей 'дикостью', он ощущает себя в их присутствии и в контактах с ними лишним, не вписывающимся, не нужным, не принимая правил их суматошной игры, воспринимая ее как пресловутую ярмарку тщеславия (приблизительно в том же значении используется в речи и переносное *обезьянник*).

Продолжая мысль о возможной (хотя вовсе не обязательной) связи того представления, которое следует из восприятия признаков того или иного пространственного объекта, приписываемых ему и ощущаемых в нем на основе значений и употреблений соответствующих слов, с представлением, возникающим на основе анализируемого зверинца первой трети XX века (по ТСУ), можно было бы вывести несколько иную картину.

Первое и самое важное, на что следовало бы обратить внимание и о чем уже говорилось, это то, что речь идет о двух разных зверинцах. Отличие в семантике, следуя из отличия реальных объектов – зверинец как историзм (барский, царский) и зверинец как передвижная выставка диких зверей, порождает разные о себе представления. Этот первый зверинец вызывал, как можно судить из его описания в словарях, представление о диких зверях как животных, своими повадками, внешним видом и поведением, существенным образом отличающихся от людей. Обозрение их могло мотивироваться (покусимся на такое умозаключение, не единственное, но вполне вероятное) представлением об отличии, разности, их разительной непохожести на человека, а тем самым, и на себя с точки зрения наблюдателя. «Во какие они дикие, во как себя ведут!» Приписывание им человеческих черт для мышления наших предков, как можно судить из литературы, было не характерно. Зверей дразнили, зверей и зверями травили, для удовольствия, для развлечений, ради забавы, организуемых состязаний, игры. Зверинец был чем-то, что можно сравнить с претворенной миниатюрой, в психологическом смысле, охоты. С тем отличием, что, если смыслом охоты было догнать и загнать, проявив свою силу и власть, насладившись убийством животного, то зверинец, давая такое же ощущение своей силы и власти, позволял насладиться зависимостью пойманного и помещенного в клетку дикого зверя, не способного, как бы он ни пытался, причинить своему хозяину и владельцу вреда. Дикость его становилась мотивом, позволяющим чувствовать свое над ним превосходство и торжество, была тем, что меня, человека, отличает от него в лучшую, высшую сторону, дает ощущение совершенства, связываемого с культурой, образованием, цивилизованностью и всем прочим, чем бы это ни было и как бы это ни называть, что составляет основу моего человеческого и отличает меня от его звериного и животного. То, что делает его животным, а меня человеком, и что проявляется в образе, виде и внешнем облике, поддаю-

щемся созерцанию, лицемерию, видению и, тем самым, на этой основе оценке, не в его, разумеется, пользу.

Зверинец, как это, может быть, ни парадоксально звучит, способствовал переживанию себя и в себе человека, со всем тем, что из этого следует при сопоставлении себя, человека, с животным. Известные сказочные мотивы красавицы и чудовища, принца-медведя, царевны-лягушки, братца-козленочка, жениха Ясна сокола или голубя, человековолка, людей-псеглавцев и пр. могут служить иллюстрацией сказанному. С мыслью о неподобии облика и о расщеплении, разведении внутреннего и внешнего в человеке-звере, человеке-животном, которые только чудом и вопреки опасениям, желаниям и человеческой воле можно, при посвящении и преодолении немалых препятствий, и то далеко не всегда, каким-либо необычным и неожиданным (нечеловеческим) образом оборотить.

Если представить себе „людской” зверинец как чувственный образ в таком ментальном и культурном контексте, то нагруженный его смысл, по сравнению с перед этим рассмотренным, мог бы быть совершенно иным. Поиграв не словами, но воображениями, допустимо было бы видеть в нем сигнал каких-то нечеловеческих, животных, если не звериных, проявлений со стороны какого-то общества, в котором некто, к такому зверинцу не относящийся, вынужден пребывать. То же могло бы указывать на утрату, под влиянием данного общества, им своих человеческих черт, потерю достоинства, делающего его не по имени только и не по облику человеком. Возможно также, что интерпретация данного образа укладывалась бы в представление об обуревающих его животных страстях и инстинктах, делая его самого „седалищем”, воплощением, „помещением” для такого зверинца. Как бы там ни было и как бы это ни толковать, объяснение того и другого, не совпадая и различаясь, говорило бы и о разных ментальных и чувственных образах, и о разном к ним отношении, связанном с изменением культурного фона и сопровождающего его восприятия. Материал для подобного представления можно найти в словарях толкования сновидений. Будучи внутренне не обусловленными, описываемые в них значения сновиденческих образов, содержат редко, если вообще, используемый потенциал для выводов и заключений, подводящих нас к пониманию отдельных сторон не только психологического, но и ментального, а с ним и языкового, естества „социального человека” (*homo socialis*), носителя и представителя определенной ментально-культурной традиции и языка, а с ними и соответствующих репродуктивных образов и представлений.

‘Зверинец’ и ‘зоопарк’ сновиденческих толкований

Прежде чем перейти к подобному восприятию ‘зоопарка’, попробуем, обратившись к словарям толкования сновидений, посмотреть, соответствует или нет в них представленное тому, что было выведено на основе значения соответствующих слов в языке. И если да, и если нет, то в чем, каким образом и, по возможности, почему. Ответы на эти вопросы позволят, если не определить, то, наметив, почувствовать, как, каким образом представления, скажем так, опирающиеся на языковое воображение (далеко не всегда это знание) и ощущение, связываются, если связываются, с ментально-психологическими, спонтанно не регулируемые, мотивами сна. А если не связываются, то в каком отстоящем (потому как все же, по-видимому, не противостоящем) от них отношении они могут себя объявлять. Памятуя при этом всем, что зверинец и зоопарк не одно и то же и что то и другое, по крайней мере, должно быть, привязано к не одинаковым проявлениям, допуская возможное сходство лишь в отношении общего им показателя ‘зверь’.

Согласно «Соннику» Г.Х. Миллера⁶, зверинец толкуется следующим образом:

Видеть во сне посещение зверинца – означает множество неприятностей в ближайшем будущем.

Зоопарка нет в его словаре. Подобное положение можно признать не случайным: во всем материале, служившем источниками, т.е. в сонниках и словарях толкования сновидений, если имелся зверинец, то не было зоопарка и наоборот. Объяснить это можно как неразличением, с точки зрения сновидения, указанных положений, так и тем, что то и другое воспринимается и определяется не столько как пространственный по своему виду объект, сколько как то, где находятся звери, животные, где можно их встретить в собрании, вместе. Нередко при этом при самом толковании подчеркивается необходимость определения, какие это животные, с чем непосредственно связывается затем объяснение знака.

В словаре Г.Х. Миллера, как можно легко заметить, речь идет о *посещении* зверинца. Сновидец, следовательно, не просто видит зверинец и не просто находится в нем, но приходит в него с целью посмотреть на находящихся там животных. И толкование этому подчинено, ибо «множество неприятностей» составляет довольно типичное представление по словарям сновидений, связываемое с дикими зверями, видением их.

⁶ Г.Х. Миллер: *Сонник, или что происходит во сне. Научное и практическое изложение.* Санкт-Петербург 1993.

То, что все это ожидает спящего «в ближайшем будущем», может быть обусловлено (хотя подобное разделение не обязательно и не вполне оправдано) состоянием «посещение», предполагая, имея в виду намеренность, заданность „вхождения” в зверинец, появления в нем со стороны сновидца, точнее было бы говорить со стороны им руководящего в состоянии сна его „сновидного”, скажем так, «эго». Этим „сновидным” «эго» условно можно было бы обозначать не ту часть психической сферы субъекта как сложно устроенного биологического, коммуникативного, ментально-психического и т.п. существа, которая видит сны, точнее находится в состоянии сна, пребывает в нем, живет его жизнью, а ту, которая в эти самые состояния вводит⁷ (если не непосредственно их создает). Чем бы оно ни являлось, подсознанием ли, бессознанием, надсознанием, интуицией, эмоциональной сферой или чем-то, если не „потусторонним” и нисходящим, то трансцендентально иным. Для нашей задачи точное и достоверное определение этого компонента «эго» принципиального значения не имеет. Важно представить (даже если это не так или не совсем так, поскольку установление, что оно есть такое, проблема, скорее всего, психологическая), что имеется нечто, что относится к спящему, если не в нем прямо так и сидит, что знает, предполагает, видит его и о нем то, что он о себе не знает, не видит, не понимает, в отношении его состояний, забытого вытеснением прошлого, ожидаемого будущего, контактов и взаимодействий с другими и пр. „Сновидное” «эго», или „сновидный” субъект, соответствующая его часть, в этой связи, пониматься будет как категория, определяющая тот или иной характер субъектом переживаемых сновиденческих (возможно, не только их) положений, а не как действительный психологический его компонент.

Данное «эго», зная или предчувствуя (что именно, в данном случае будет неважно) то, что в ближайшем будущем ведомого им субъекта ожидает множество неприятностей, „организует” ему во сне посещение зверинца. Это был бы один механизм. Другой бы предполагал состояние погружения: сновидящий в „спящей” части своего «я» погружается во время сна в состояние, которое, „открываясь” тому, что его ожидает, приводит его к посещению все того же зверинца.

⁷ Указанную особенность сновидного переживания, приравниваемого им к „трансцендентальному сознанию сна”, отмечает В.А. Подорога: «одно «я» находится внутри пространственных образов, составляющих другое Я, назовем его большим, которое движется за первым по поверхности сновидения с той же скоростью, как и первое, не отставая и не опережая. Одно Я (большое) все исключает из себя, высвобождает себя как бесконечную полость, пустое, но заполняемое пространство, то, другое «я», малое, находится внутри этого пространства в качестве изобразительного средства.», добавляя при этом, что «это не столько двойник, сколько дополнительное «я», малое, без которого невозможно сновидение.» (В.А. Подорога: *Кодекс сновидца* [в:] Грани познания: наука, философия, культура в XXI в.: В 2 кн. Кн. 2. Отв. ред. Н.К. Удумян. Москва 2007, с. 281, 282.)

Во всем этом, в том и другом, нас будет интересовать не то, что приводит его к обретаемому положению 'зверинца' во сне, в состоянии его сна как переживания, и почему сновидец, в нем оказываясь, видит, что посещает его, а то, что это, прежде всего, 'зверинец', и чем он является, выступает в данный момент для него. В конечном итоге вопрос заключается в том, чтобы выяснить, чем и как воспринимается, каким аспектом своим поворачивается, этот самый зверинец, толкуемый, как показано в процитированном источнике, как место (поскольку речь идет о его «посещении»), т.е. пространственный по своей природе объект? И что, соответственно, из этого будет следовать для стоящей перед нами задачи определения связи концептуального, концептуально-языкового и чувственного переживания, представления и пребывания, а тем самым и воображения, субъекта как представителя данной ментальной культуры и языка.

Важно при этом понять, переживает ли этот самый сновидец-субъект, как субъект, 'зверинец', его свое посещение, пребывание, нахождение в нем, как погружение в определенное вида пространство? Или же как наблюдаемый образ, некую видимость, содержащую смысл, передающую сообщение и выступающую как знак⁸. Из приведенного толкования следует, что 'зверинец' воспринимается и предстает, скорее, если не единственно, как 'собрание диких зверей', поскольку из этого следует «множество неприятностей». Интересовать нас во всем этом будет не то, является или не является в состоянии сна пространственный по своей материальной природе объект таким же пространственным, но по своей идеальной природе, объектом или чем-то другим, а то, каким образом нахождение, пребывание в нем в сновидении либо видение и его наблюдение в состоянии сна (что для нас безразлично), может быть интерпретировано и соответствующим образом объяснено. Что значит во сне быть где-то, видеть что-то, что является местом, по материальному своему существу, и чем такое положение во сне отличается от позиции, которая ничего подобного не предполагает? Скажем, видеть зверинец, чтобы далеко не ходить, и видеть тех же самых зверей, без указания на их содержащее место, не воспринимая их как зверинец, то ли же самое, с точки зрения, если не сна, то его смысла, или же нет? Каким бы данный смысл, добавим, ни представлялся. Можно ли, иными словами, ввести представление о локусе, месте, пространстве,

⁸ Обращаясь к цитируемому только что перед этим автору, данное, второе для нас, обстоятельство можно было бы объяснять как такое, при котором «всякий предмет сна задается в оптике кажимости. Именно в силу этого он может то исчезать, то появляться, являясь своего рода ничейным знаком (или знаком неизвестно чего), скорее иероглифом, не следом, указывающим на «тело», что могло бы его оставить. ... сновидение – это экран для размещения неких графических знаков или следов, которые вызывают в нас образы любых вещей и событий, но сами к этим образам не имеют никакого отношения.» (В.А. Подорога: *Кодекс сновидца...*, с. 285).

пространственном каком-то объекте, как видимом, объявляемом, появляющимся во сне (в воображении, сознании, мысли о нем, может быть, хотя это «может быть» допустимо предполагает и что-то совсем другое)? И как то либо другое решение, разрешение будет откладываться на интересующее нас чувственное и ментальное, а также ментально-языковое, воображение об этом объекте. Или, что также возможно, поскольку не исключено, какие-то объекты являют себя как пространственные для сновидного своего представления о них, а другие такими не объявляют себя. И это может быть связано, что будет важным, не с различием их материальной природы, а с характером восприятия, видения, объявления и переживания их в состоянии сна и, соответственно, с этим не только сна. Восприятия, видения, как контекстного и (или) индивидуального, так и общего, конвенционального и узуального, характерного для данной ментальной культуры и ее „языка”.

И еще один вопрос, на который ответ поискать предстоит, чем может являться ‘зверинец’ во сне и может ли объявлять себя чем-то еще, помимо ‘собрания диких зверей’? В их не различаемой массе и по отдельности каждого, поскольку не это важно. Способен ли, если далее, в этом ряду он себя объявлять (при каком-либо из толкований) как место и/или помещение, согласно определению в словарях языка, т.е. восприниматься в воображении как пространственный по своей природе объект? Или это ему в соответствующем „образном” о нем представлении в целом не свойственно, по крайней мере, следов подобного отражения в словарях сновидений мы не найдем?

‘Зверинец’ возможных контактов с людьми

Опираясь на просмотренный материал таких словарей, подтверждения этому не находим. ‘Зверинец’ воспринимается не как место и помещение, не как пространственный по своей природе объект, а как все то же ‘собрание диких зверей’, с тем уточнением, что звери, в отличие от «Сонника» Г.Х. Миллера, говорящего о неприятностях, приобретают в них „человеческий” облик, становясь выражением, средством сигнализировать о предстоящих контактах с людьми, враждебно настроенными и неприятными:

Если вам приснился зверинец, то это значит, что вам предстоят контакты с людьми, которых только обстоятельства будут удерживать от враждебной деятельности по отношению к вам.⁹

⁹ *Энциклопедия сновидений. Ред. Тула 1993.*

Подобными удерживающими обстоятельствами, их содержательным выражением во сне, могут быть (по крайней мере, их можно так интерпретировать) те самые клетки, в которых дикие звери сидят. Однако ничто вместе с тем не указывает на такое их объяснение, зверинец в целом может восприниматься как сдерживающий доступную, предоставляемую обозрению 'дикость' в нем находящихся, собранных вместе зверей.

«Сонник» А. Серадзкого¹⁰ содержит весьма похожее определение, используя для этого слово не *zwierzyniec*, а *menażeria*:

Menażeria

Встретишься с неприятными людьми.

«Бабушкин сонник»¹¹ дает практически то же самое, интерпретируя ожидаемую встречу-контакт как знакомство и используя при толковании оба слова:

Menażeria (*zwierzyniec*) – познакомишься с неприятными людьми

Как первое и основное данный словарь дает *menażeria*, предлагая *zwierzyniec* как возможный и дополнительный эквивалент. В связи с чем возникает вопрос, на который стоило бы обратить внимание – одно ли и то же *zwierzyniec* и *menażeria*, если не ассоциативно, то, по крайней мере, для воображения? Не вдаваясь в подробности и ограничиваясь данными только толкового словаря, небезынтересно отметить, что в качестве основного и первого значения для *menażeria* отмечается то, которое следовало бы воспринимать как переносное: 'группа чужаковатых и не подходящих друг к другу людей', с замечанием, что слово это книжное, употребляется с неприятием либо шутивно. Прямое значение дается вторым, объясняясь как то, что словом обозначаются 'дикие и обычно экзотические животные, собранные где-нибудь, чтобы показывать публике'¹². С пометой его устарелости.

Такой порядок и вид представления у данного слова не единствен, хотя, по-видимому, и более характерен для сознания носителей современного языка. Словарь иностранных слов¹³, связанный, в первую очередь, с про-

¹⁰ А. SIERADZKI: *Sennik. Współczesna interpretacja snów*. Warszawa 2004. Здесь и далее перевод цитируемых источников автора. Польский оригинальный, равно как и переводной, материал привлекался для сопоставления, с тем чтобы подчеркнуть на его основе, лучше увидеть типичное для представлений у русскоязычных.

¹¹ *Sennik Babuni*. Warszawa 2001.

¹² *Inny słownik języka polskiego PWN*. Red. naczelny M. BAŃKO. Warszawa 2000.

¹³ *Słownik wyrazów obcych PWN*. Opracowanie L. WIŚNIAKOWSKIEJ (na podstawie Wielkiego słownika wyrazów obcych PWN pod red. M. BAŃKI). Warszawa 2004.

исхождением слова, чем с его восприятием и современным употреблением (фр. *menagerie*, от *menager* ‘бережно обращаться; устраивать; приберегать, держать про запас’), предлагает другой порядок и вид объяснения: 1. «дикие животные в клетках, обвозимые на показ» 2. «место либо помещение, в котором содержат животных, обычно с целью показа их публике» 3. *неодобр.* «о группе чудаковатых, смешных людей» 4. «собрание странных и необычных предметов».

Из чего следовало бы представить данное слово в его описании и представлении о нем, за опущением ряда деталей, если не прямо соотносимым с тем, что было отмечено нами по поводу слова *зверинец*, то довольно близким. Такими себя различающими деталями, в определенном смысле следующими из характера описания, а не значения и восприятия слова, можно бы было отметить (опуская 4-е значение словаря иностранных слов, для рус. *зверинца* по вполне понятным мотивационным причинам невозможное) чудаковатость, странность (*dziwaczność*) группы не подходящих друг другу людей, определяемая также в словаре иностранных слов как то, что при этом они смешны. В рус. *зверинце* в его переносном употреблении данные признаки видятся более резкими, подчеркивающими неприятность, отталкивающий характер подобного рода собрания. Небезынтересно и то, что, опять-таки в словаре иностранных слов, передвижная коллекция, даваемая в БТС как оттенок значения, определяется в качестве первого и основного, а место либо помещение (в БТС только помещение) для содержания и обычно показа – как второе. В целом, однако, можно было бы говорить об общем для польского *menażeria* и русского слова *зверинец* представлении.

Что касается слова *zwierzyniec*, то при его описании, в отличие от *menażeria*, прямое значение в цитируемом толковом словаре¹⁴ дается как первое, а переносное – как второе, то и другое без указания на книжность и устарелость. При этом акцент для прямого значения производится на место (для *menażeria* более важным было то, что это дикие и обычно экзотические животные), на их большое число, но без указания на дикость: ‘место, в котором содержится много животных, часто экзотических’, с дополнением ‘также животные, содержащиеся в таком месте’. Иллюстрирующий данное употребление (в отношении места) пример вполне соответствует тому представлению о *зверинце*, которое было типично для позапрошлого века: *w zwierzyńcu trzymano pawie i stadko małp.* (В *зверинце* содержались павлины и небольшое стадо обезьян.) Из чего можно было бы сделать вывод о том, что *menażeria* отчасти более соответствует тому, каким предстает рус. *зверинец* для современного восприятия (дикие и экзотические животные на показ), в то время как *zwierzyniec* сохраняет (не

¹⁴ *Inny słownik...*

став устарелым) признаки того рус. *зверинца*, который, будучи более связан с представлением о месте, имел отношение не столько к показу и демонстрации публике, сколько самому содержанию их кем-нибудь (барский и царский зверинец, то, что ближе французскому представлению, как 'хозяйству', отраженному в *menagerie*).

В переносном значении сохраняется чужаковатость группы, но не говорится о том, что эти люди не подходят друг другу (нет рассогласованности при их восприятии в отличие от *menażeria*), хотя оценочность выглядит более резкой, неприятие и шутливость переходят в неодобрение: «2 **Zwierzyńcem** называется часто группа чужаковатых людей. Слово употребляется с оттенком неодобрения».

На основании сказанного можно было бы заключить, что рус. *зверинец* (опуская различия, более связанные со способом и характером толкования) включает в себя представления, разделяемые в польских словах *menażeria* и *zwierzyniec*, из которых первое, будучи книжным и устарелым (отчасти воспринимаемая таким), в целом ближе рус. *зверинцу* современного представления, а второе, не будучи книжным и устарелым, как ни парадоксально, ближе к тому восприятию *зверинца*, которое для русского восприятия не вполне современно (чтобы это как-то смягчить). Хотя все это, не полностью осознаваясь (если осознаваясь вообще) носителями языка, во многом довольно условно и вполне может смешиваться и совмещаться, не различаясь. Одновременно с этим, как следует из представления толкового польского словаря, стремившегося отразить современность, *menażeria* ближе к переносному употреблению, чем *zwierzyniec*, скорее воспринимаемая применительно к группе людей (значение, которое русскими словарями не отражено, а потому может объясняться как словоупотребление). Все это нас будет интересовать в том отношении, что определяемый ментально-чувственный образ 'зверинца' ближе к тому представлению в польском, которое вероятнее и полнее отображает себя в том, что можно увидеть за 'menażeria', чем 'zwierzyniec' (либо в объединении того и другого).

Вернемся теперь к основному предмету разбора. Знакомство (в «Бабушкином соннике») предполагает эффект вхождения в общество, в какой-либо коллектив (неприятных людей) либо взаимодействие с каждым отдельным его представителем, возможно и не составляющих вместе такой коллектив (для нашей задачи не это важно). Эффект вхождения ближе к понятию и представлению «посещения» в отношении 'зверинца': входя в зверинец, посещая его, субъект „знакомится” с дикими зверями, в нем находящимися. В то время как встреча («Сонник» А. Серадзкого) подобное не обязательно предполагает. Нельзя сказать, что эта встреча была с людьми перед этим знакомыми спящему, думается, что не это при толковании имелось в виду. Речь, скорее, имело бы смысл вести о контакте, взаимодействии как

таковом, никак дополнительно не уточняемом. В зверинце также возможна „встреча” с дикими зверьми, не знакомство, а именно встреча, знакомыми эти звери для посетителя могут быть по их роду, породе, виду, не как индивидуальные особи, и такое о них представление будет достаточным для того, чтобы назвать это «встречей». То же можно сказать и о толковании применительно к людям. Неприятные люди, как люди, и как неприятные, того и другого разбора и вида, знакомы в принципе спящему, он их только еще раз и дополнительно может встретить в реальной жизни опять, и об этом, собственно, его предупреждающий о таком столкновении сон.

Тем самым, в ‘зверинце’ (которому ближе польское ‘*menażeria*’), как в разбираемом образе, определяющим, важным становится представление а) о диких зверях (и это в первую очередь), б) собранных вместе в каком-то далее не уточняемом числе. Все остальное, – что звери в клетках, что их можно видеть, наблюдать их повадки, сравнивая друг с другом или с собой, что клетки эти как-то и где-то расставлены, находятся в помещении, в каком-либо месте, – это все никаким образом в данном о нем представлении не отражено.

Тем самым, выходит, что основным для значения (представления) образа становится не то, что это какое-то там помещение или место, где и т.д., а что это „сборище” диких зверей, уподобляемых людям по признаку их „неприятного”, если не прямо враждебного, на субъекта воздействия. ‘Зверинец’, следовательно, предстает не как пространственный по своей природе объект, не как локатив, каковым он себя объявляет в действительности, а как собрание, т.е. корпоратив, относясь, соответственно, к группе подобного рода объектов.

Обращаясь к мысли о диких зверях, коль скоро об этом речь, поскольку на этой основе, как корпоратив *чего*, следовало бы определять значение темы ‘зверинца’, имело бы смысл обратить внимание на традиционное, скажем так, представление о них, находящее свое выражение, в частности, в „историческом” по своему характеру соннике (вторая половина XVIII столетия), передающее то, чем эти звери могли представляться воображению, соотносясь с людьми и человеческим миром, жизнью людей и средой, и что в том или ином своем виде находит свое отражение во многих, если не во всех, словарях подобного рода:

Звери дикие, виденные во сне, также вредные и ядовитые, имеют отношение на неприятелей наших, на болезнь, потерю, злое время и всякое несчастье. Вообще же значат препятствие и медленность во всяком деле, каковые нам обыкновенно от болезней и неприятелей наших проистекают.¹⁵

¹⁵ *Всеобщее толкование снов (сонник)*. Из собрания Отдела письменных источников ГИМ / Государственный орден Ленина Исторический музей. Москва 1990.

Звери дикие, обозначая препятствие и приостановку (медленность) в делах, связываясь с болезнями и неприятелями (болезни традиционно также можно воспринимать и интерпретировать как персоны, т.е. живые и вредоносные существа). Из чего непосредственно следует то, что 'дикость', исходящая от животного, не человеческого или, точнее, не вполне человеческого, начала людей (в том числе, если не в первую очередь), эта 'дикость' себя проявляет как сдерживающая и препятствующая, мешающая и вредоносная в человеке и для человека сила. 'Дикость' – это, прежде всего, неприязнь и болезнь, то зло, которое препятствует, останавливает и мешает, возможно завидуя и вредя, не столько уничтожая или губя, сколько грозя потерей (времени, сил, здоровья, успеха, радости, счастья) и остановкой, задержкой, если не прямо и непосредственно откатом и обращением вспять. Будучи угрозой развитию и, если рассуждать философски, продвижению вперед, прогрессу и цивилизации, 'дикость' становится в этом случае проявлением деструктурирующего, разрушающего достигнутое начала, а приобретая форму диких зверей, инкорпорируется и интериоризируется, становится тем, что разрушает субъекта, мешая его продвижению в его жизненных проявлениях и делах, обращая его старания в прах.

Мифологема дикого зверя внутри человека, в нем самом, переносится в разбираемых толкованиях на его окружение, находя резонанс и отзвук, отпечаток дикого зверя в нем, согласуясь с ним и пробуждая его к деструктивной в нем деятельности. Это то препятствие и то замедление, которое можно отчасти интерпретировать как постепенное угасание, вызываемое обращением вспять. Из чего тот корпоратив, который следует из представляемого описываемым образом 'зверинца', можно было бы в общем и целом, не вдаваясь в детали, определять как *инкорпоратив деструктивного реверсива*¹⁶, что представлялось бы как значение, смысл соответствующего репродуктивного образа, находящих свое выражение в том числе и в семантике соответствующих единиц языка, о чем еще будет речь.

Пространство как переживание во сне, тем самым, как следует из представленного, со 'зверинцем' в различных его толкованиях по словарям сновидений оказывается не связанным.

¹⁶ Лат. *revertor, reversus sum* приходиться назад, возвращаться; обращаться (вспять).

'Зоопарк' возможного (либо отсутствующего) в нем локатива

Обратимся теперь к таким же по словарям отражениям 'зоопарка', поставившись увидеть в них, с одной стороны, сходства или различия со 'зверинцем', а с другой, возможный пространственный компонент либо его отсутствие в соответствующем представлении. После чего можно будет установить, чем и каким своим поворотом в сновиденческом образе объявляет себя 'зоопарк', помимо отсутствующей в нем составляющей локатива.

М. Кжижостаняк¹⁷ интерпретирует его следующим образом:

Зоо → *Тюрьма* – изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле; → *Оранжерея*.

Ведущим аспектом при таком понимании становится представление о нарушении того, что естественно и натурально, с заменой этого на нечто искусственное и воображаемое как идеал (рай на земле). Аспект, который связывается не с тем, что это место, где находятся и содержатся звери для обозрения и где их можно увидеть и за их поведением понаблюдать, но с пространственностью, скажем так, нарушения, с отступлением, отходом, отказом от естества в пользу создания более совершенного и много лучшего. Зоопарк – это место искусственного воссоздания, воспроизводства того, чего нет, но что мыслится, представляется как достижимый человеческими стараниями, возможно общественный, идеал, т.е. нечто похожее на остров Утопию.

Небезынтересно и показательно, что в таком понимании 'зоо' соотносится у данного автора, с одной стороны, с 'тюрьмой', в то время, как с другой, с 'оранжереей'. Представляет смысл по этой причине обратиться к ее толкованиям и этих двух характерных для сновидения образов:

Тюрьма (Więzienie) → *Заключенный (Więzień)* → *Карать (Karać)* – чувство сдавливаемого, затискиваемого кольца (*osaczenia*). Спящий мучительно ощущает ограничение поля деятельности. Нормы и правила, которым он вынужден подчиняться, придавливают его.

Оранжерея → *Сад* – спящему удалось создать свой рай на земле, в котором он живет вдали от зла и ненависти мира. Однако в этом искусственном эдеме отсутствуют и позитивные стимулы – чувства.

При таком толковании важными оказываются не звери, как дикие, так и нет, сидящие в клетках в каком-то месте, а то, что наличие этих кле-

¹⁷ М. KRZYŻOSTANIAK: *Sennik. Symbole i marzenia*. Wrocław 1998, s. 160.

ток, в которых заключены природа и естество, есть следствием вымысла, изобретением, имеющим двойное дно: направленным внутренне на улучшение, которое внешне и в своем результате себя объявляет как ограничение, сдавливание, стискивание, аномалия, утрата (чувств) и разлом. Пространственный компонент, который при этом присутствует, оборачивается способом реализации, местом осуществления данного замысла. В этом случае можно было бы говорить о *локативе деформатива* в отношении *rerum natura* (локативе нарушенного, искаженного естества).

Пространственность как переживание

Возвращаясь к мысли о том, чем и как способно себя выражать или, точнее было бы говорить, проявлять пространство во сне и (или) сновидении, стоило бы обратить внимание, не вдаваясь пока что в подробности, на момент, который можно было бы объяснить воплощенной идеей переживания. Ощущением себя находящимся в месте, которое дает чувство связи, соединения, контакта и сопричастности с ним. Пребывающий в данном месте испытывает на себе воздействие с его стороны, которое можно было бы определять не как слияние, а как резонирование (за неимением более точного объяснения). «Я» находящегося внутри, помещенное в нем, в этом месте, начинает, не то чтобы подстраиваясь, но, возможно, настраиваясь, что-то переживать. Место откладывает на пребывающего в нем свой, способный уйти, улетучиться, миновать, отпечаток. Это печать психологического, эмоционального, чувственно-рефлексирующего, рецепторно-интуитивного и перцептивно-реагирующего, отзывающегося, хотя во многом и не осознанного, контакта-включения. Далекого от паранормальных либо парапсихологических объяснений, которое, скорее и более точно, можно выявить и обозначить как своеобразный настрой, подстроенность (но не подстраивание) на определенный лад, предполагающие то, что определяется как чувство комфорта либо дискомфорта, удовольствия, слаженности, в конечном счете, климата и атмосферы.

Место входит в психологическую структуру субъекта (точнее было бы говорить о сенситивной и эмотивной сфере субъекта), с одной стороны, и, с другой, включает, вбирает ее в себя. Языковыми отображениями подобного впечатления могут быть фразы типа *Я как в раю побывал. Как после бани себя почувствовал (ощутил). Как искупался в море. Омылся чистой и свежей водой. Как с юга вернулся.* И прямо противоположные – *Как холодной водой окатили. Как помоями облили. Как пбили палками. Как в хлеву оказался. Как в мусорнике проночевал. Сижу тут вот в четырех стенах.*

Выражения типа *У вас тут как на вокзале.* (и, с другой стороны, *Живем как на вокзале. Дома чувствую себя как на вокзале.*) *Чувствую себя как в тюрьме. Дом у них как сарай. Не квартира, а проходной двор. Как у тети на именинах.*, которые лишь отчасти связаны с тем, о чем речь, а точнее, никак не связаны, поскольку затрагивают мысль об обстоятельствах, типично воспринимаемых применительно к месту, типично сопровождающих его, а не с тем ощущением, чувством, переживанием его, этого места, в этот данный момент, которые должны это все подключать. Переживание это более точно, и следовало бы, определять как пространственно-перцептивное подключение, контагиозно-аффилиативное (сближающее) вхождение и пребывание в данном месте в данный момент.

Интересно и не случайно в этом смысле и отношении то, что лат. глагол *commoror, commoratus sum* и производное от него существительное *commoratio*, обозначающее пребывание, в своем первом и основном значении связываются с идеей задержки, замедленности, медлительности, промедления и останавливания: *commoror* 1) пробыть, остаться, задержаться, промедлить; 2) останавливаться; 3) *реже* задерживать, замедлять; *commoratio* 1) медлительность, замедление, пребывание. Для того, чтобы пережить момент пребывания где-то, почувствовать на себе эффект его действия, необходимо приостановиться, промедлить, войти и остаться на время где-то, в каком-либо месте, пропитавшись его, от него исходящим, воздействующим на пребывающего впечатлением. Корневым по отношению к *commoror* будет лат. *moror, moratus sum [mora]* 1) медлить, тянуть, затягивать; 2) замешкаться, заставляя себя ждать; задерживаться, оставаться; 3) задерживать, замедлять, тормозить, препятствовать, мешать; 4) удерживать; 5) занимать, забавлять, радовать, очаровывать. И, соответственно, *mora* 1) замедление, промедление, задержка; 2) *воен.* привал, днёвка; 3) остановка, пауза; 4) промежуток времени, время; *morā* с течением времени, постепенно; 5) препятствие, преграда, помеха.

Пребывание обусловливается, тем самым, необходимостью вчувствования, предполагающего задержку, остановку, медленность, торможение, связываемые далее с промежутком времени, течением, ходом времени, постепенностью и поступательностью, а также, в переживании, с тем, что можно воспринимать как препятствие, преграду и, в конечном итоге, помеху. Помеху, препятствие и преграду тому „поток”, который можно интерпретировать как движение «я» субъекта в переживании и проживании им своей жизни и бытия. Пространственность пребывания приостанавливает на какое-то время этот „поток”, создавая ему „преграду” в месте его нахождения в данный момент и давая возможность прожить, пережить и прочувствовать окружение, обстоятельства и позицию данного места как его атмосферу и его самого. Приблизительно так можно было бы объяснить то, о чем идет речь в связи с определяемым нами переживанием.

Возвращаясь к тому, о чем говорилось применительно к снящемуся 'зоопарку' и его разбираемому толкованию, «изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле», соотносимые с чувством «сдавливаемого кольца, ощущением ограничения поля деятельности», следующего из «давления правил и норм» как излишней, повышенной упорядоченности, которая, с одной стороны, дает вроде бы ощущение защищенности и безопасности, а с другой, отсутствия позитивных стимулов в виде чувств (не говоря о входящих в подобное представление значениях), – можно ли это все относить и воспринимать как описанное перед этим пространственно подключающее переживание?

Иными словами, тот 'зоопарк', который снится и выступает как определенное положение в сновидении, интерпретируясь описанным образом, является ли пространством, „местом”, данного переживания как состояния или, скорее, знаком чего-то другого, а не включением «я» в него и к нему подключением? Скорее, это второе, и тогда и поэтому так интерпретируемый 'зоопарк' свою „пространственность” в сновидении отображает как проигрываемое, экранизируемое место искаженного правилами и регуляциями природного естества, в человеке и для него.

'Зоопарк' фигурирует, следовательно, не как место, в котором «я», находясь, переживает свою сопричастность и сонастроенность данному месту, а как экран, на котором отображается, находит свое выражение что-то совсем другое, обобщающее и переводящее мысли и знания о зоопарке в нечто, что может субъекту служить подсказкой его беспокоящих внутренне и не всегда (либо плохо и недостаточно) осознаваемых состояний. 'Зоопарк' при таком объяснении выступает не как *комморатив* (если воспользоваться представленными перед этим латинскими определениями), не как комморатив-локатив (либо, возможно также, инкорпоратив), а как *локатив-форматив*, позволяющий в видимой и допустимо наглядной форме отобразить все то, что стоит за нею (относительно изменения естественного положения вещей, сдавливаемого кольца, регуляций и пр.).

Сновиденческий локатив как форма реализации проецируемых представлений

В дополнение к сказанному следовало бы добавить, что, если рассмотренный перед этим как образ 'зверинец' концентрировался на представлении и отображении через себя 'диких зверей', т.е. всего того, что с ними в сновиденческих толкованиях, так или иначе, связано, то 'зоопарк' в объяс-

нении М. Кжижостаняк, также как соответствующий образ, обращается внутренне к представлению в нем не зверей, скорее не столько зверей, а через них естества и природы, регулируемых искусственным, упорядочивающим (расставляющим по местам и по клеткам), организующим действием человека. 'Зоопарк' фигурирует в этом случае как проекция, форма реализации данного действия.

А. Баумгартен¹⁸ толкует интересующий нас образ в таком отношении:

зоо символизирует сферу влечений, причем для более точного восприятия символа необходимо интерпретировать находящиеся в зоо животных (см. в соответствующих словарных статьях). Обобщенно это призыв к тому, чтобы мы более управляли своими влечениями и инстинктами либо наоборот – чтобы мы их так сильно не подавляли.

В подобной интерпретации 'зоопарк' представляет собой вариацию на тему 'зверинца'. Отсылочные к отдельным животным статьи должны объяснять значения тех или иных влечений, которые следует регулировать (управлять ими) либо, наоборот, дать им большую волю. Это последнее вводит с собой представление о зверях, посаженных в клетках, – аспект, который рассматривается как недостающий либо, напротив, избыточный. 'Зоопарк' становится местом, дающим возможность подобное отобразить. Тем самым, и в этом случае он выступает как локатив-форматив, экран и одновременно проектор, позволяющий видеть, им отражаемое и с ним привносимое, а между представленным перед всем этим 'зверинцем' и так понимаемым 'зоопарком' сколько-нибудь существенное отличие было бы трудно увидеть. Снится ли спящему зоопарк или зверинец, оказывается, с точки зрения передаваемого в каждом из этих случаев смысла, в общем-то безразлично. Закономерным и объяснимым в этой связи можно считать ту особенность, о которой уже говорилось, что в словарях сновидений содержится либо та, либо другая статья: если есть 'зверинец', то нет 'зоопарка' и наоборот. Поскольку нас интересует пространственный, точнее пространственно-позиционный, аспект, проявляющий себя в том, что определяет себя как положение отображаемого сновидением состояния, – постольку на эти отличия, как пространственно-позиционные отображения и впечатления, внимание следует обращать. 'Зверинец' и 'зоопарк' при таком подходе и понимании не одно и то же, а если они предстают как знаки, практически полностью совпадающие при толковании, то как знаки их можно и следует воспринимать в виде образов не пространственно-позиционных, т.е. в себя погружающих, а сигнализирующих положений. Одно другого при этом не исключает, говорить только следует о разных

¹⁸ А. BAUMGARTEN: *Wielki sennik*. Tłum. M. ANTKOWIAK. Tytuł oryginalny: *Das große Buch der Traumdeutung*. Warszawa 2005, s. 607.

аспектах все тех же не расподобляемых образов. В первом случае образ переживается «я», «я» находится в нем, воспринимая либо не воспринимая несомую им (может быть) информацию. Во втором – «я» задумывается (при интерпретации и обращении к образу после сна) над несомой им информацией, ищет ее для себя, возможно, интуитивно чувствуя, переживая и проживая ее, но как значение, а не нахождение в нем. Не как собственно переживание: переживая образ как мысль и идею, а не ощущаемое на себе и в себе положение и состояние. Мысль и идея, значение положения могут быть общими и совпадать, тем самым, как получается из рассуждений, у 'зверинца' и 'зоопарка', но не само положение того и другого и проживаемое, переживаемое видящим сон нахождение в том и другом. Переживаются в сновидении 'зверинец' и 'зоопарк' не равно и не одинаково, что следует из различий их пространственной организованности, а с этим и ощущений и эмоционально заряженных представлений о них.

Р.Э. Гилей, в свою очередь, в своем «Соннике»¹⁹ в отношении 'зоопарка' предлагает следующее (что мало чем отличается, необходимо добавить, от того, что ранее было уже представлено):

Зоо

Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты.

Другое значение: хаос.

И в этом случае 'зоопарк' предстает не как место, а как форма – заключения, связывания, содержания в клетках, не на свободе, лишения воли. Но на этот раз не природы и естества, не столько природы и естества, сколько того, что связано с ее проявлением в необузданной дикости, с выходом из-под контроля и не держанием себя в руках. Неумением либо нежеланием себя в них держать. Крайней степенью подобного отпущения с выходом на свободу и из клеток „распущенности” становится представление о хаосе, с его не столько как таковой деструктивностью, сколько неупорядоченностью, неоформленностью, отсутствием правил, структуры, формы, организации и регуляций. Образ, тем самым, связывается у данного автора с расподоблением, распадом, уничтожением в человеке того, что делает его социализированным, или общественным, существом, обращая его к архетипу в нем дремлющего дикаря, но не в смысле первобытной общинности, а в зверином своем объявлении. Речь, тем самым, необходимо вести о бесптиарном начале, видевшемся и проявлявшем себя при толковании все того же 'зверинца'.

¹⁹ R.E. GUILLEY: *Sennik. Symbole i interpretacja*. Tłum. D. ŻYWNO. Warszawa 2002, s. 330. Tytuł oryginalny: *The Encyclopedia of Dreams*.

Л. Тангай²⁰, разрабатывая ту же самую тему, но как бы с обратной ее стороны, в своем толковании обращает внимание на неумение находить равновесие, неумение направлять, управлять, контролировать, не вмешиваясь, не искажая, т.е. фактически не контролируя, естественную, природную в себе составляющую, способную дать человеку многое, а при таком „вредоносном” контроле теряющую заложенную в ней способность давать. ‘Зоопарк’, в связи с этим со всем, приближаясь опять же к ‘зверинцу’, не давая возможность то и другое разграничивать и различать, и в этом случае, при таком объяснении, выступает формой, не местом:

ЗОО: Символизирует отсутствие возможности развития собственных инстинктов, вредоносный контроль над порывами, импульсами в психике, вызванный отсутствием зрелости, инфантилизмом.

См. ЖИВОТНЫЕ.

Своеобразным в ее интерпретации становится поворот к отсутствию зрелости и инфантилизму. Способность разумно контролировать и управлять, допуская к проявлению в себе здоровых порывов, импульсов и инстинктов, связываясь в ее представлении с зоопарком, наводит на мысль и, как следствие, ставит вопрос об отношении к этому ‘зоопарку’ как образа и как связываемого с ним как с образом соответствующего представления, понимания и восприятия зоопарка. То есть того, что в нем как в образе возникает и формируется на основе его эмотива. Берется ли это от неприродности, скажем так, нарушенной искусственным контролирующим вмешательством естества в зоопарке, и отсюда, как следствие неумения, появляется отсутствие зрелости и инфантилизм? Или, что, может быть, также не исключено, инфантилизм возникает из детскости приходящего в зоопарк любопытствующего? Поскольку, с одной стороны, детей, в первую очередь, водят смотреть в зоопарке зверей, чтобы с ними знакомить, в то время как с другой стороны, во взрослом при контакте с животными в зоопарке (потому как где же в таком разнообразии и количестве еще?) пробуждается его в нем „ребенок”. И потому еще, в добавление к этому, что звери, животные, будучи «братьями нашими меньшими», напоминают взрослому человеку своим поведением и проявлениями детей, всем тем, что общественными, социализированными, людьми, если когда-то где-то в чем-то и было, и иногда бывает и есть, то в целом в обыденной повседневности и регулируемой рутине себя не обнаруживает, выглядя как забытое и утраченное.

Каким бы образом ни разрешать поставленный в предыдущем абзаце вопрос в отношении детскости и недетскости, инфантилизма и отсутствия

²⁰ L. TANGUAY: *Wielki sennik uniwersalny*. Tłum. B. WALICKA. Warszawa 2006, s. 709. Tytuł oryginalny: *Les Rêves – 1000 Facettes de la conscience humaine / Les Rêves – La maîtrise de son conscience*.

зрелости, связь с 'зоопарком' как образом следует видеть и находить в его эмотиве. Это первое. И второе, поскольку отсутствие зрелости и инфантилизм связываются у Л. Тангай с тем, что она определяет как «вредоносный контроль», исходя из мысли, заложенной ею в подобное представление, следовало бы сказать (не исключая всего перечисленного и остального), что этот мотив, скорее, имеет смысл интерпретировать (у нее) с сажением по клеткам и расставлением по местам в зоопарке того, что являет собой живая в животных природа. То есть и в данном случае приходится говорить о его формативе. Пространственный аспект зоопарка (если это можно так определять) объявляет себя как форма, организующая то, что находится в нем. Не как место такого, а не другого какого-то переживания, точнее как место, и как такое место, но вследствие его организующей формы на этот, а не другой какой-нибудь вид и характер. В этом особенность *локатива* как *форматива*, а не как *инкорпоратива* (*комморатива*), включающего, вводящего и вбирающего в себя, пропитывающего и насыщающего собой.

Е.П. Цветков²¹ зоопарк объясняет через его отношение к зверям:

ЗВЕРИ – в зоопарке – волнения; дикие – враги; отчетливо видеть – несчастный случай; убежали из клеток – неприятность в семье; преследуют – дурная слава.

Интересующий нас пространственный аспект 'зоопарка' при таком толковании никак не задействуется. Положение диких животных, помещаемых в клетках, определяется, с одной стороны, с позиции нарушенного спокойствия («волнения»), хотя трудно было бы воспринимать это, как в предыдущих случаях, применительно к искусственной, исходящей от человека, регуляции природного естества, а с другой, как традиционно представляемые и упоминавшиеся нами ранее дикость, звериность в аспекте врагов, неприязни, несчастий, препятствий и пр. Волнения и неприятность в семье («звери в зоопарке» и «убежали из клеток»), исходя из того, что ближе к рассматриваемому нами предмету, имеет смысл воспринимать, в обоих случаях, как то, с чем лучше не иметь дело. То есть лучше, когда ни в каком своем виде и отношении 'зоопарк' не приходит во сне. Поскольку при упорядоченном и привычном для него положении, когда звери сидят по клеткам, он выявляет нарушение эмоционального равновесия спящего (происходящее, по-видимому, от беспокойства замкнутых, лишенных свободы зверей), а в ситуации напряжения, опасности и беспорядка, когда они убежали из клеток, обнаруживая связь со своим родовым, начинает обозначать распространение, расширение признаков 'дикого' на других, тех, кто близок (неприятность в семье). Замкнутая или

²¹ Е.П. Цветков: *В царстве сна и смерти*. Москва 1991, с. 50.

себя освободившая ‘дикость’ звериного в равной мере оказывается знаком не позитивным, не сулящим ничего хорошего.

‘Зоопарк’ в разбираемом случае также не проявляет себя как место включающего в себя переживания (*комморатив*) по отношению к спящему, но как форма (*форматив*) соответствующего значения, обнаруживающего себя в представляемом образе. От самого зоопарка, реально как объект существующего, остается лишь то, что в нем находятся звери, и что звери эти не на свободе, а в клетках, что с таким же успехом и равно может быть отнесено и к зверинцу, и к цирку, и к любому месту, где звери находятся в таком положении. Зоопарк, тем самым, при таком понимании, можно воспринимать как своеобразное обобщение ‘несвободы зверя в каком-то неопределенном числе’. Иными словами, признаками объекта как образа, о котором речь, были бы 1) то, что ‘звери’; 2) то, что ‘каким-то числом’; 3) то, что ‘замкнуты’, не на свободе, по клеткам. Пространственного аспекта, как уже отмечалось в начале абзаца, при таком понимании в отношении ‘зоопарка’ как такового не наблюдается.

Abstract

“The zoological garden” of Russian mental notions

The variations and the dynamics of the reproductive image

The character of the relations between linguistic and not strictly linguistic elements of awareness is discussed upon the example of existing notions. The vocabulary material reflecting both historical and contemporary interpretations is quoted. These interpretations consider the words’ etymology. Their analysis is intended to find out the motifs which change in time, features and semantic analogies. These three elements are then consolidated in the notions of the mental and linguistic culture. Later on the character of relations is established (by placing the character in artificially created space) between the state of an animal and that of a human. The human resembles the animal, and the latter is a representative of a community in captivity, and the human observing the animals becomes an element of the collective display. The gathered information and interpretations (compared to the data from the dictionary of dreams via their semantic and mental features) make it possible to ask a question on the semantics of the mental and semantic features of the vivid experiences which are in perceptual and mental existence. These experiences shape the notions for the representatives of a specific mental culture. The notions in question are of regulating, approximate and not always realized character. These notions are especially the ones which condition the organisation of the world in linguistic and non-linguistic awareness, and as a result they influence the semantic evolution of a language as well as its users’ mentality.

Keywords:

linguistic / non-linguistic awareness, mentality, mental image, animal – human, semantics

Abstrakt**„Ogród zoologiczny” rosyjskich wyobrażeń mentalnych
Wariacje i dynamika reproduktywnego obrazu**

Na przykładzie istniejących wyobrażeń o ogrodzie zoologicznym omawiany jest charakter relacji pomiędzy językowymi i nie ściśle językowymi elementami świadomości. Przytaczany jest materiał słownikowy odzwierciedlający zarówno historyczne, jaki i współczesne interpretacje z uwzględnieniem etymologii słów. Ich analiza ma na celu wychwycenie zmieniających się w czasie motywów, cech i analogii znaczeniowych, które to następnie utrwalają się w wyobrażeniach danej kultury mentalnej i językowej. Ustalany jest charakter relacji (poprzez umieszczenie w sztucznie zorganizowanej przestrzeni) między stanem zwierzęcia i człowieka. Człowieka, upodabniającego się do zwierzęcia, zwierzęcia, jako reprezentanta pewnej zamkniętej w niewoli i zgromadzonej w jednym miejscu zbiorowości, i znowuż człowieka, ale jako obserwatora tych istot bądź podmiotu znajdującego się w analogicznej sytuacji zbiorowego pokazu. Zebrane informacje i interpretacje, które porównujemy z danymi słownika marzeń sennych przez pryzmat ich cech znaczeniowych i mentalnych, pozwalają na postawienie pytania dotyczącego semantyki reproduktywnych, istniejących percepcyjnie i mentalnie, obrazowych doznań. Biorą one bowiem udział w kształtowaniu u przedstawicieli określonej kultury mentalnej regulacyjno-orientacyjnych, do tego nie zawsze uświadamianych, wyobrażeń. Wspomniane doznania, zwłaszcza te, które warunkują organizację świata w językowej i nie tylko językowej świadomości, wpływają, jako skutek, na semantyczną ewolucję języka, jak również na mentalność jego użytkowników.

Słowa kluczowe:

świadomość, mentalność, mentalny obraz, zwierzę, człowiek, semantyka